

Литературный Азербайджан

Выходит с
1931
года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНА

СОДЕРЖАНИЕ

К 35-летию ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Время, память и долг. Статья	3
Бойцы вспоминают...	
Ризван ЗЕЙНАЛОВ. 223-я Белградская. Очерк	75
Князь НАЗИРОВ. «Я с вами прошел трудный путь...»	
Очерк	78
Тимофей ДОЛБАНОВ. Два парада и вся война	81
Аркадий ГЕНКИН. Особое задание. Встреча с Курча- товым	83
Иван АВАНЕСОВ. Поэма о рядовом	94
Ефим МЕЕРОВИЧ. У реки Молочной. Седой мужчина. Память. Писарь. Стихи	72

ПРОЗА

Ильяс ЭФЕНДИЕВ. Повесть о Сарыкейнек и Валеке. Сказание наших дней. Продолжение	6
Из литературного наследия	
Сабит РАХМАН. Портрет. Конь. Рассказы	110

ПОЭЗИЯ

Исхаг ИБРАГИМОВ. Горькая сладость. Двигай, белый баран. Гриб. Что сделал ты для матери-земли? Шутка. О чем скорбит сейгях? Четки жизни. За- был. Меж двух стихий. Стихи	56
Расул РЗА. Лейли-Меджнун. Стихи	97

К 75-летию со дня рождения М. А. Шолохова

Выдающийся писатель эпохи	85
---------------------------	----

К 70-летию со дня рождения Расула Рза

Песня длиною в жизнь	88
Дм. МОЛДАВСКИЙ. Мастерство. Поиск. Открытие	91

5

МАЙ

1980

М. Ф. Ахундов задала
Азербайджанская Республика

САБИТ РАХМАН

ПОРТРЕТ

Были мы на охоте, Самед Вургун и я. Самед был охотник отменный, бил без промаха, дичи не упустит. Я же стрелял так себе. И целью моей было — пройтись, побродить на природе, по горам, по долам, под предлогом охоты.

Но тягаться с Самедом в пути было трудно. Ни устали, ни покоя он не знал. Все время на ногах. Временами я чувствовал, что поэтическое воображение куда-то его уносит, забыл он про охоту, про дичь, идет, куда ноги несут; остановится, зачарованный природой, всматривается в каждый листок, любит.

Так, прогуливаясь, добрались мы до Самухского леса. Рыбаки переправили нас на лодке через Куру, уж сколько часов мы проплутали по лесу, а навстречу выпорхнул один-единственный фазан, да и того не удалось подстрелить. Наконец, я впервые услышал от Самеда: «Устал». Присели в тени под большим деревом, перекусили. А припасы скромные — сыр, соленые огурцы да хлеб.

Лес выглядел грандиозно. Тесно росшие деревья возносились к небу, сплетая ветви, как в обнимку стояли. Солнечные лучи, дробясь в кроне, пятнами рассыпались окрест.

Самед, задумавшийся о чем-то, спросил меня:

— Как по-твоему, можно ли на сцене дать такой вот лес?

— Можно.

— А птиц?

— На сцене все возможно. Разумеется, условно.

Мы надолго замолчали. Покурили. Чуть погодя Самед, словно разговаривая сам с собой, произнес:

— Девушка в изодранном о кусты платье, с разметающимися волосами вбегает в лес, ищет тело парня... Ей сообщили, что он убит в лесу...

Я недоуменно спросил:

— Как это понять? Трагедию, что ли, вынашиваешь?

— Не комедию же! Как из такого сюжета комедия получится?

— Почему бы и нет? Представь себе, что девушке солгали. Она приходит и видит, что ее парень сидит в лесу и уминает хлеб с сыром... Вот тебе и комедия...

— Многие комедии в жизни оборачиваются трагедией.

— И наоборот...

Самед сердито покосился на меня:

— У тебя нет ни капли романтики.

Вскочил и вдруг обернулся.

— Ну, здорово я тебя, а?

Мы снова принялись искать дичь. Вышли из леса к кустарникам. Вдали завиднелось какое-то село. Солнце немилосердно палило. Я изнывал от жажды.

Самед же, посвистывая, шествовал впереди. Немного погодя, остановился.

— Тут не то что фазана, и воробышки нет.

— А ты представь себе, что есть. И мы настреляли уйму турачей и фазанов.

— Как так? Ничего же у нас нет.

— В том-то и романтика...

Самед задумчиво уставился на меня, и вдруг расхохотался. Я в свою очередь спросил:

— Ну, здорово я тебя, а?

Добрелись мы до какого-то холма. Подножье его густо заросло ежевикой. Я занялся внимательным осмотром кустов. Самед удивился:

— Кто же так ищет дичь?

— Не дичь я ищу, а ягоды. До смерти пить хочется.

— Ну и что, нашел?

— Нет.

— И мне пить хочется. Подадимся к селу, может, по пути арык попадет.

Нам казалось, что до села недалеко, а добрались до крайнего дома, вконец выбившись из сил. Самед предложил:

— Попросим здесь воды и пройдем селом к шоссе.

Подошли к плетню — и на нас ринулся здоровенный пес. На шум вышел мужчина с лопатой в руке, подошел к плетню, шикнул на пса и, даже не оглянувшись на нас, удалился. Я окликнул его:

— Постой, хозяин... Дай-ка нам воды попить.

— Нет у нас воды, — последовал ответ. По произношению мы поняли, что хозяин — армянин.

— Что ты за человек, ай товарищ! — с досадой сказал Самед. — Разве может быть дом без воды?

— Нет у меня воды для охотников, — сердито отозвался мужчина.

— Почему же? Чем тебе охотники не угодили?

— Мне-то ничего, а вот селу этому такое устроили, что лучше и не вспоминать. — Мужчина обвел рукой окрестность. — Раньше мы на голос турача просыпались. А теперь и ворона тут не каркнет. День-деньской пальба, покоя нет. А не найдут дичи, готовы и в мух палить. И деревья гибнут. Дереву-то без птиц какая жизнь?..

В словах сельчанина была большая доля истины. От Самухского леса до самого села мы не заметили ни единой птицы. Видно, повадились сюда охотники. Самед глянул на меня, окинул взглядом наши «доспехи», патронташ, двустволки, ватники, — и рассмеялся. Потом обратился к хозяину:

— Мы-то не из таких охотников, ахпер!¹ Ружье — предлог. Вышли просто побродить. Ты прогони пса, пройдем во двор, воды попьем.

Хозяин после некоторого колебания нехотя буркнул:

— Ну, проходите уж... А ружья прикройте, пес на них и лает...

Мы, придерживая свои «пушки» за спиной, перешагнули через плетень.

Двор был опрятным, красивым, в тени раскидистого тутового дерева — свежевыбеленный дом, справа — тендир,² два очага, слева — скирда... Присесть негде, а мы с ног валимся.

Прислонив лопату к стене, хозяин сказал:

— Сейчас кликну сына, воды вам подаст. — И он громко позвал: «Аршак! Аршак!» Тут же отозвался голос.

Хозяин что-то сказал по-армянски. Потом, не обращая на нас никакого внимания, вновь взял лопату и принялся возиться на грядках. Вот неприветливый человек — ни в комнату не пригласил, ни стульев не предложил. А я еле держусь на ногах. Наконец я не выдержал:

— Подал бы, хозяин, пару стульев, устали мы чертовски.

— Еще бы не устать, — словно злорадствуя, отозвался мужчина. — От Куры до нас километров пятнадцать. Бедные птицы, не знают, куда деваться. Оттуда палят, отсюда палят...

Самед нахмурился и, не отвечая на реплику, схватил меня за руку и потащил на улицу.

— Пошли... Никакой воды нам не надо.

Хозяин, видя, что мы собираемся уйти, несколько смутился.

— Проходите, садитесь! — Он открыл двери в комнату. — Хоть вы и охотники, а все-таки гости.

На сей раз я ухватил Самеда за руку и потащил к дому.

— Зайдем... десять минуточек передохнем... Меня ноги не держат.

Так или иначе, мы прошли в комнату и... застыли от изумления. Над печью нашему взору предстал большой портрет Самеда...

Подступили, всмотрелись. Самед рассмеялся, потом вполголоса предупредил:

— Не подавай виду. Этот человек зол на охотников, не стоит представляться. Тихо-мирно выпьем воды и с глаз долой.

Присели. И комната, как и двор, приглядная. На подоконниках в горшках цветы, на полках — расписные чаши, сосуды, на комод — самовар, старинная лампа, на небольшом столике — радиоприемник... Во всех домах в азербайджанских селах, где мне довелось побывать, в гостиных почти такое же убранство. Со двора донеслись голоса. Потом вошел парень лет двадцати пяти с кувшином и стаканом в руках. Высокий, богатырского сложения, с правильными чертами лица, с тонкими изогнутыми усами. Он подошел к нам и уже собирался налить воды, как его взгляд задержался на Самеде. Всмотревшись внимательно в лицо гостя, он залился смехом, обнажив ровный ряд зубов. Засмеялся и Самед. Парень, ни слова не говоря, помчался во двор, что-то затараторил отцу, раз-другой мы услышали: «Самед Вургун». Тут же оба вошли в комнату. Только что смотревший тучей, еле выдавливавший из себя слова хозяин, раскинув руки, устремился к Самеду и проговорил:

— Добро пожаловать!

Они обнялись. Хозяин стал извиняться:

¹ Ахпер (арм.) — друг.

² Тендир — земляная печь для выпечки хлеба.

— Не узнал тебя, брат! День вам добрый! Хоть бы заикнулись, кто такие. Ох, стыд какой!

Аршак, поглядывая на стоявшего поодаль Самеда, улыбался.

— Ты-то чего стал, как вкопанный? Ступай, вали крутогого.

Самед тут же возразил:

— Нет, нет, не утруждайте себя. Выпьем стакан воды и двинемся в путь.

— Никуда вы не пойдете, — решительно запротестовал хозяин. — Ты вот видишь этого Аршака? (Ухватив сына за руку, он подтолкнул его вперед). В твоём «Вагифе» роль Эльдара сыграл. Да как еще сыграл, знаешь? Слушай, день тебе добрый, ты точно пьесу эту прямо по-армянски и написал. — И снова к сыну: — Ты бы, парень, сам рассказ! Займи их тут разговором, а я схожу нашим сообщу.

Самед поднялся.

— Спасибо большое, но мы должны идти, в Мингечауре нас ждут.

Услышав это, хозяин, уже выходящий из комнаты, подался назад и, вскинув твердый узловатый палец, укоризненно сказал:

— Выходит, в Мингечауре — чудо, а в нашем селе — худо?.. Вот возьму и выпущу пса во двор... Вы хоть с двустволками, хоть с автоматами пойдете — не выпустит...

И, наказав Аршаку что-то по-армянски, вышел.

На ночь мы остались в гостях. Устроили большое застолье. Мне не раз доводилось участвовать в таких компаниях, душою которых был Самед. Казалось, он обладал магнетической силой, всех тянуло к нему. И с первой же встречи он мог так близко сойтись с человеком, словно бы дружил с ним сотню лет.

Наутро нас провожало все село.

КОНЬ

Мы отдыхали в Кисловодске. Сняли квартиру на улице Чкалова, по соседству с Исмаилом Идаятзаде. Наш оперный театр приехал сюда на гастроли. Исмаил, являясь и директором, и главным режиссером театра, работал все дни напролет, лишь изредка (в выходные дни театра) мы проводили досуг за разговорами в их живописном дворе. Солтан-ханум отменно заваривала чай, и мы, потягивая глотками этот чай из грушевидных стаканчиков, как говорится, «точили лясы». Исмаил обожал слушать всякие забавные истории. И сам умел рассказывать случавшиеся с ним или известные ему курьезы, облакая их в смешную форму.

После трехдневного обложного дождя наконец выглянуло солнце. Было часов десять утра. Я прогуливался во дворе, когда издали услышал чей-то оклик. Направившись на голос, я увидел Исмаила, машущего мне рукой из-за своей ограды. Я удивился:

— Что же ты дома, не на репетиции?

— Репетиция в двенадцать, — отозвался он. — Заходи, почаевничаем.

Мы уселись за стол. Появился ароматный чай. И мы принялись за чаепитие под большой яблоней, а на головы и за шиворот нам падали сползавшие с листьев капли. И тут видим, что по крутой дороге, ведущей к моей «резиденции», спускается кто-то верхом на коне. Дорога слякотная, скользкая и потому конь шел с опаской, а временами,

раскорячив ноги, и вовсе останавливался. Тут седок принимался безжалостно лупцевать коня хлыстом.

Бедный коняга со впалыми боками — ребра можно пересчитать — при каждом ударе от боли глаза таращит, а шагнуть бонься.

Исмаил вскочил и окликнул седока.

— Ты, друг, слезь с коня, под уздцы поведи, так же он не сдвинется! Чем скотину терзать, ты мозгами пошевели! — вразумлял он мужчину. Вернувшись к столу, в сердцах проговорил:

— Глупый человек! Только и знает, что кнутом стегать. Загонял клячу — живой скелет. — Потом, задумавшись, продолжал: — Во всем Кисловодске нет приличного коня.

— Время коней прошло, — заметил я, отпивая чай.

Он опять вспылил (да и вообще он редко мог говорить спокойно):

— Как это прошло, почему прошло? Машина — машиной, а конь — конем! Там, где лошадь может пройти, машине делать нечего! В таком огромном курортном городе ничего не сыщешь, кроме захудалых кляч.

— Откуда тебе знать? Может, и есть.

— Не знал бы — не говорил. Три дня, как все дворы подряд обходим.

— Зачем же тебе конь понадобился?

— Не мне, Кероглы нужно.

Теперь я догадался, почему Исмаил с такой досадой говорил о конях. Вечером предстояло впервые показать оперу «Кероглы». Для постановки непременно требовался конь.

Он продолжал:

— Конечно, какой-нибудь буйный жеребец для сцены не годится. Нужен конь помирнее. Но чтобы вид имел. Если Кероглы на этакую клячу посадить, что нам зрители скажут?

— Ну, и как вы вечером выкрутитесь?

— Нашли, — улыбнулся Исмаил. — В одном из отдаленных селений. Вместе с хозяином со вчерашнего дня в курзале. И на вид хорош, и норовом, вроде, тихий. А все же тревожусь. Сегодня я с ним четыре часа буду репетировать.

— Как? Репетировать с конем?

— По стопам Дурова иду, стал дрессировать животных. Хочу заблаговременно приучить коня к музыке, чтоб вечером от оркестра не шархнулся.

Почаевничали, проговорили мы до пол-двенадцатого. Он ушел по делам, а я направился в парк на прогулку.

Вернулся в пятом часу. Дошел до нашей улицы и вижу Исмаила, тяжело шествующего впереди. Я догнал его. Он остановился, хрипло, с одышкой, сообщил:

— Такая штука с конем получилась...

— Что стряслось? Может, ошалел, удрал и вы его не поймали?

— Да нет, конь смирный.

— Что ж тогда случилось?

— погоди, пойдем медленней, я тебе все расскажу.

Мы пошли вверх, останавливаясь через каждые пять шагов. Исмаил начал говорить:

— Ну, так вот, пошел я в театр, хозяин вывел коня на сцену, а я ему велел, мол, ступай и возвращайся к четырем часам, пусть, говорю, конь к нам привыкнет. А дирижера попросил музыку дать погромче. Так вот и начали репетицию. Три с половиной часа продолжалась эта

катавасия. Сцену в Ченлибеле и четвертый акт репетировали по нескольку раз. Бюльбюля я берег — петь не давал. Он только ходил с конем, чтоб животное привыкло к нему. А я, ты-то знаешь, на репетициях спокойно не могу стоять. Набегался туда-сюда, устал, запарился. Мы уже вот-вот закруглялись, — тут является владелец коня. Постоял в зале, поглядел немного и говорит мне:

— Что вы тут, это самое, делаете?

— Репетируем, — говорю. — Чтoб конь к оркестру приноровился.

Хозяин коня усмехнулся и шепнул мне на ухо:

— Конь-то у меня глухой. Хоть из пушки под ухом пали — не услышит...

...Я спросил у Исмаила:

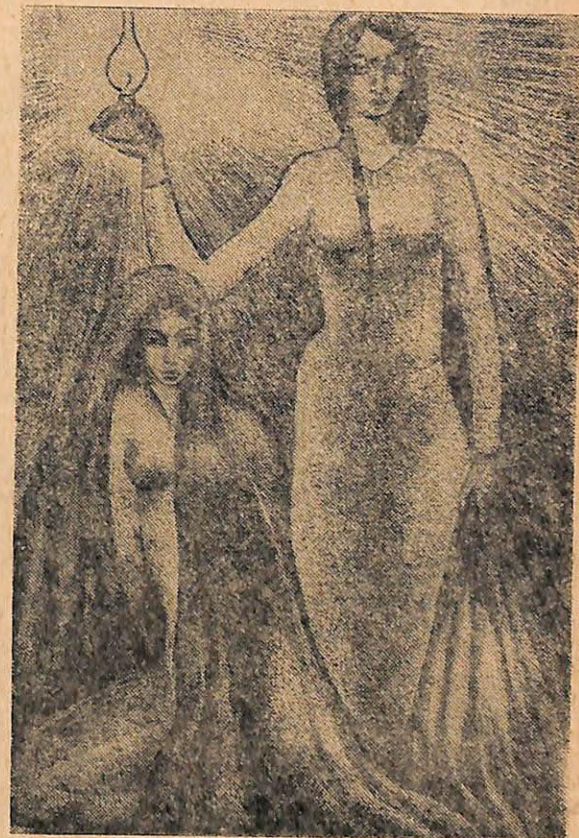
— Что же вы заранее не поинтересовались, мол, какие изъяны у коня?

Исмаил сказал со вздохом:

— На весь Кисловодск одного приличного коня нашли. Где мне было знать, что и тот глухим окажется.

По улице сновали машины. Наш век — век машин. И Гыр-ат, живший триста лет тому назад, теперь обернулся «кяр-ат»¹.

Перевод Снявуша Мамедзаде

М. Агаева.
СЕВИ.ТЬ.

¹ Кяр — глухой, ат — конь.